

Л. Капогресси Колоньези

АНТИЧНЫЙ ГОРОД КАК ГОРОД-ГОСУДАРСТВО: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В 1864 г. во Франции появилась книга, которой суждено было составить целую эпоху, – «Античная гражданская община» Ньюма Дени Фюстель де Куланжа. Возникновение и начальные этапы развития государства – института преимущественно политического – объяснялись в ней на фоне параллельного формирования гражданской общины в ходе естественной эволюции семейно-родовых институтов, скрепленных первобытной религией. История греческих полисов и Рима рассматривалась при постоянном сопоставлении с древними учреждениями далекой Индии. Эта связь основывалась на тезисе, получившем в XIX в. широкое признание: согласно ему, открытое незадолго до того индоевропейское языковое единство позволяло реконструировать историю разных языковых групп, объединенных общностью происхождения. Считалось, что методы и задачи сравнительной филологии (как тогда называлась эта дисциплина) можно распространить и на историю соответствующих народов и цивилизаций, а возможно, и всего человечества. Это были те самые годы, когда в Англии увидело свет сочинение, еще более важное для истории древних институтов, – «Древнее право» Генри Мэна (1861), впечатляющие выводы которого казались результатом применения именно такого сравнительного метода¹. А в Германии спустя некоторое время не только начало формироваться новое научное направление, связанное с разносторонней личностью Йозефа Колера², но и сам Р. Йеринг рискнул написать общую историю индоевропейских народов³, а вслед за ним эту тему до конца столетия разрабатывали и другие юристы⁴.

В дальнейшем историки от этих широких компаративистских перспектив как будто бы отошли, сосредоточив свое внимание скорее на истории *той или иной* гражданской общины или *той или иной группы* таких общин, не отказываясь при этом, однако, от частых ссылок на параллели в истории Рима и греческих поли-

¹ Об этом и, в частности, о работах Мэна и Фюстель де Куланжа см. *Capogrossi Colognesi L. Dal diritto romano alle origini della società civile. Un dibattito ottocentesco. Bologna, 2008 (Parte II).*

² Один из основоположников сравнительного правоведения Йозеф Колер (1849–1919) и его многообразное творческое наследие еще ждут адекватного историографического исследования.

³ Речь идет о фрагменте, обнаруженном в архиве ученого и опубликованном посмертно: *Jhering R. von. Vorgeschichte der Indoeuropäer. Lpz, 1894.*

⁴ Ср. *Leist B.W. Graekoitalische Rechtsgeschichte. Jena, 1884; idem. Alt-arisches Jus Gentium. Jena, 1889; idem. Alt-arisches Jus Civile. Bd 1–2. Jena, 1892, 1896.*

сов. Именно в контексте этой истории получило распространение и продолжает существовать по сей день понятие «город-государство», которое появилось в арсенале историографии уже в начале XIX в.⁵, т.е. еще до бурного развития эволюционизма и компаративизма, которые, впрочем, широко им пользовались. Тогда же очевидные античные корни первой части этого выражения (*civitas*, πόλις, во всей их многозначности) срослись с понятием «государство», также несущим груз истории, притом не столь давней.

Формула эта обладала огромным преимуществом: указывая на устойчивый политический смысл города в древности, она не требовала при этом дальнейшего уточнения понятий. И притом могла использоваться не только применительно к античному миру: в этой перспективе рассматривались также и городские общины древнего Ближнего Востока, по крайней мере, до образования державы Ахеменидов. Таким образом, город утвердился в качестве главного субъекта истории классической древности – как самоуправляющийся организм (и одновременно – как политический и военный инструмент его деятельности), независимый от любой другой вышестоящей власти. Нетрудно понять притягательность сочетания «город-государство»: указание на «суверенность» власти подчеркивало специфику политических образований в данном историческом контексте, но в то же время предоставляло возможность интерпретировать эту специфику адекватно восприятию и базовым категориям мышления современных ученых. Поскольку выражение это хорошо подходило к истории архаического и республиканского Рима, оно употреблялось в языке и историков, и юристов-романистов, хотя последние, как им и подобает, были более внимательны к правовым аспектам древней истории.

Эту схему ничуть не поколебали идеи Макса Вебера о природе и значении города и предложенная им соответствующая типология⁶. Впрочем, почти на всем протяжении XX в. его наследие практически не было востребовано историками древнего мира⁷. Запоздалое освоение ими веберовских идей поначалу было связано, очевидно, главным образом с влиянием Мозеса Финли в рамках его «примитивизирующей» концепции античной экономики. Вместе с тем, и сделанный Вебером в упомянутой работе акцент на разнообразной типологии городов, в частности, и сам его метод, основанный на построении идеально-типических моделей, вообще, усиливали в принципе значение «города-государства» как термина: ведь он мог служить критерием классификации и, следовательно, охватывать широкие отрезки социальной и институционально-политической истории.

⁵ Очень интересно наблюдение М. Хансена о его самом раннем употреблении в статье Й. Мадвига «*Staatsverfassung des Altertums*», опубликованной по-датски в 1840 г. и в переводе на немецкий в 1842 г., и о том, что относилось оно тогда еще не к греческим полисам, а к архаическому Риму (*Hansen M.H. Conclusion. The Impact of City-State Cultures on World History // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 2000. P. 616. Nt. 8*). Проблема однако в том, что в немецкой историко-правовой литературе XIX в. выражение *Staatsstadt* занимало относительно маргинальное положение.

⁶ *Вебер М. Город / Пер. под ред. Н.И. Кареева. Пг., 1923.*

⁷ Ср. мою последнюю обобщающую книгу о работах М. Вебера, связанных с антиковедением: *Capogrossi Colognesi L. Max Weber e le economie del mondo antico. Bari, 2000.*

Очевидно, именно этим, как и прямо заявленным компаративистским подходом, вызваны к жизни некоторые работы последнего десятилетия: я имею в виду прежде всего широкомасштабный проект под руководством М. Хансена⁸. Однако интересны они не столько результатами, сколько тем, что ведут к выявлению некоторых проблем, которые при традиционном использовании формулы «город-государство» долгое время оставались незамеченными. В настоящей статье я постараюсь сформулировать все более крепнувшие у меня сомнения по поводу использования этого понятия.

Вопрос, полагаю, не в том, можно ли прилагать к истории далекого прошлого многозначные категории настоящего: среди нас, романистов, обсуждение этой проблемы велось особенно активно в период до и после второй мировой войны, а потом внезапно и совершенно оправданно иссякло в силу ее принципиальной бессодержательности. Ведь совершенно ясно, что история прошлого всегда пишется с точки зрения наблюдателя, на его языке и опосредована его восприятием! Так что оставим другим заботу о филологизме, нередко становящемся самоцелью, и сосредоточимся на трудностях употребления конкретного термина. Также оставим в стороне тех, кто вместе с Карлом Шмиттом, подчеркивая специфику правовых аспектов, сходу исключает, что категория, играющая центральную роль в европейской истории Нового времени, именно в ее рамках и сложившаяся, может прилагаться к реалиям, сильно отличающимся от нее и совершенно ей чуждым. Разумеется, это строго научная точка зрения, но, пожалуй, она слишком строга, чтобы ее могли безусловно принять историки, археологи или антропологи. Тем не менее следует сделать несколько замечаний юридического порядка, коль скоро речь идет о сочетании таких типично правовых понятий, как, с одной стороны, «государство» и, с другой стороны, представление древних о «городе/граде», неразрывно связанное с общиной «граждан», определявшихся как таковые главным образом на основании права, что весьма далеко от понимания города лишь в терминах урбанистики или социологии.

Я не собираюсь оспаривать правомерность применения термина «государство» в контекстах, отличных от того, в котором он возник. Намерение мое гораздо скромнее: высказать некоторые сомнения в том, что в сочетании с понятием «(античный) город» он не просто указывает на состояние политической автономии, но может служить действенным инструментом классификации. Ведь создание на его основе целой таксономической системы может оказаться слишком рискованной операцией. И если небольшое искажение в историографии античности XIX–XX вв. можно пережить довольно легко, то как допустить, чтобы именно оно становилось затем инструментом интерпретации многообразной исторической реальности, не боясь при этом увязнуть в неопределенности или попасть в западню действительного искажения соответствующего конкретного материала?

Именно здесь возникает ряд препятствий, притом не только строго юридического порядка. Поэтому сначала я постараюсь продемонстрировать искажение, о котором только что говорилось, и объяснить его причины. А затем перейду к обсуждению обозначившейся в последнее время тенденции нагружать старую формулу новыми и претендующими на большее смыслами. Однако и ее я буду рассматривать с точки зрения не правомерности, а практической пользы.

⁸ A Comparative Study...

2. Использование понятия «город-государство», встречавшееся в XIX в. и в немецкой, и в итальянской, и во французской, и в английской литературе, в историографии античности XX в. стало абсолютно общепринятым. Сама двойственность вызываемой им ассоциации, как уже было отмечено выше, несла в себе неоспоримые преимущества при попытке отобразить реальность, несомненно отличавшуюся от той, в которой находится исследователь. Этим и объясняется широкое признание, которое это понятие (как до него и другие относящиеся к древней истории и из нее почерпнутые, – например, лат. *gens*) получило в том числе и за пределами круга специалистов по истории Греции или Рима. Речь идет о вошедших в научный обиход обобщениях, прикладное значение которых, как всем нам известно, невелико, хотя вместе с тем они несут в себе изрядный груз ассоциаций.

К тому же в нашем случае выражение «город-государство» изначально характеризовалось идеологической двойственностью, которая явно присутствовала уже в трудах великих ученых XIX в., а затем проникла (не знаю, насколько осознанно) в науку следующего периода. Идея состояла именно в том, что государство существовало извечно, на чем удивительным образом сходились совсем разные культурные течения. Достаточно упомянуть, с одной стороны, философский фон и ключевую роль размышлений о государстве в немецкой историко-правовой культуре XIX в., с другой стороны, совершенно иное направление, из которого вышла французская традиция, а также глубокое своеобразие англо-саксонской историко-политической мысли. Могу лишь сослаться на свою работу, в которой реконструируется этот уникальный период в истории науки, когда поразительным образом пересекались пути отдельных ученых⁹. Нибур, Моммзен, Йеринг, Мэн, Фюстель де Куланж и многие другие их современники сходились в поисках того, что могло выполнять функции государства, прежде чем таковое вполне сформировалось. По мере того как изначальный историзм стал окрашиваться в тона эволюционизма, дело в конце концов сводилось к выделению ступеней эволюции именно государства: от изначальных семейных структур к племенным объединениям псевдородственного типа и далее к сложившейся форме древнего государства, а именно – городской общине. При этом следует отметить, что даже те, кто, как Джон Мак-Леннан или затем Эдуард Мейер, решительно отвергали подобную схему, в конечном счете сводили предложенную ими альтернативную модель – первобытную орду – все к той же самой категории государства.

Под тяжестью этой перспективы эволюционистского типа оказалась в тени (а многими деятелями той эпохи, пожалуй, оставалась вообще не осознанной) проблема: правомерна ли вообще обратная проекция понятия государства на период, предшествующий возникновению цивилизации? Казалось очевидным, что в человеческом обществе всегда существовал некий организм, предназначенный выполнять основные функции государства. В некоторых доведенных до крайности высказываниях, появившихся в историографии на рубеже XIX–XX вв., например, у великого немецкого историка Эд. Мейера, либеральная (но также и марксистская) точка зрения на государство оказалась перевернута: именно оно превращалось в условие существования цивилизованного общества, совпадающее по времени со *всей* историей человечества. При этом предла-

⁹ Ср. *Capogrossi Colognesi. Dal diritto romano...*

гался такой уровень обобщения, который должен был бы прозвучать сигналом тревоги¹⁰.

Предостережение это, однако, не было услышано: в дело, как всегда, вмешалось то утонченное невежество, из-за которого ученые в конечном счете скользят по поверхности проблем, оставляя некогда возникшие трудности неразрешенными на протяжении все менее отдающих себе в этом отчет поколений. Все ограничивалось пересказом тезисов Мейера в противопоставлении их идеям Йеринга, Мэна, Фюстель де Куланжа и Бонфанте, и только. Таким образом, ссылка на «город-государство» на протяжении всего XX в. сохраняла внушающее доверие значение расхожей формулы, в пользу которой говорила именно ее неопределенность. Если таков был уровень понимания у романистов, можно представить себе, что делалось среди не-юристов! До сих пор считается вполне общепринятым обращение к понятию государства при рассмотрении самых разных форм политической организации человеческих обществ: от племенных структур чуть ли не до семейных групп. В этом отношении четкость понятий и концепций все еще остается на уровне викторианской эпохи. К тому же применительно к римской истории Моммзен с его огромным авторитетом узаконил постоянные ссылки на государство применительно к древнему Риму с самого начала его истории и на этом основании возвел колоссальный памятник – свое «*Staatsrecht*», именно «государственное право»¹¹.

Разумеется, речь шла об очень расширительном использовании понятия «государство» и, следовательно, выражения «город-государство». Однако оно, вероятно, не вызывало бы много возражений, так как неоднозначность понятий и словоупотребления по сути дела и есть постоянный удел историка. Поиск точности в духе строгости некоторых современных направлений критики языка или эпистемологического анализа, пожалуй, обрек бы многих из нас на молчание. Может, это было бы и к лучшему, впрочем, не знаю.

Конечно, для многих нет ничего странного, что в переводах Аристотеля, Платона и Цицерона понятия *πόλις* или *πολιτεία*, *res publica* или *civitas* постоянно передаются словом «государство». Но даже для тех, кто, подобно историкам права и политических институтов, прекрасно осознают пропасть между этим словоупотреблением и тем, в рамках которого понятие «государство» приобрело всю совокупность значений, которыми оно нагружено теперь, преимущества гендиадиса «город-государство» были столь очевидны, что его применение не сопровождалось никакой критикой. На протяжении почти всего прошлого столетия в тени оставались не только коренное различие этих понятий, но и многовековой разрыв между ними, а также то, сколь различен груз истории, который каждое из них несет в себе. У некоторых из нас кризис (если речь идет действительно о нем) наступил только в самые последние годы, когда недостаточность такого подхода стала более очевидной в связи с ростом теоретических амбиций, связанных с употреблением понятия «город-государство».

¹⁰ Заметим, что такое утверждение вело к парадоксальным последствиям, вплоть до проекции истории за рамки существования человечества, т.е. на формы жизни, присущие животным (*Capogrossi Colognesi. Dal diritto romano...*). Об этих концепциях Мейера см. *Nippel W. Prolegomena zu Eduard Meyers Anthropologie // Eduard Meyer. Leben und Leistung eines Universalhistoriker / Hrsg. W.M. Calder III und A. Demandt. Leiden–New York e.a., 1990. S. 311 f.*

¹¹ Ср. *Mommsen Th. Römische Geschichte* (любое издание); *idem. Römisches Staatsrecht*. 3. Aufl. Bd I–III. 1. Lpz, 1887. Bd III. 2. Lpz, 1888.

Ведь действительно, в тот самый момент, когда отдельным образным выражениям стремятся придать значение инструментов интерпретации и классификации, сам собой напрашивается вопрос, насколько они содержательны с точки зрения четкости понятий и историографической ценности. И тогда появляется сомнение: допустимо ли (и до какой степени) нагружать эти самые выражения смыслами, содержащимися в терминах, о которых принято договариваться (к примеру: для меня «государство» означает то-то и то-то, и т.д.). Если проделать подобную операцию решительно и прямолинейно, это рискует привести к размыванию исходного значения некоторых терминов при описании конкретных исторических процессов. Как я постараюсь показать, именно такой опасности подвергается, по крайней мере в некоторой степени, рассматриваемый нами термин «город-государство». В том числе и потому, что могут обнаружиться скрытые издержки, вызванные смешением конкретных исторических ситуаций и хорошо разработанных аналитических категорий: античная гражданская община, государство, «город-государство».

Впрочем, сомнения, не слишком ли легко формула «город-государство» все шире применяется далеко за пределами греческой и римской древности, античной гражданской общины, возникали неоднократно, хотя и эпизодически – не только и не столько в среде склонных к пуризму юристов, сколько у самих же историков. В этом плане показательна осторожность, которую проявил в данном вопросе выдающийся археолог греческого мира Э. Снодграс – ученый компетентный, однако вовсе не юрист по образованию¹². Еще более строго, в терминах «форм политической организации» описан опыт греческих полисов в работе, посвященной рассуждениям Аристотеля на тему полиса¹³. Впрочем, для тех, кто обращался к выражению «город-государство» при рассмотрении политических теорий, его концептуальная неопределенность была очевидна уже давно. Очень точно это выразил более двадцати лет назад Питер Берк, сформулировав в посвященной именно городам-государствам статье выбор, перед которым оказывается современный ученый: «либо отказаться от термина, либо сдать его самому и использовать его неточно»¹⁴. К числу тех, кто как будто бы склоняется к первому варианту, можно отнести и некоторых из авторов, принявших участие в проекте М. Хансена.

¹² Ср. *Snodgrass A. Interaction by design: the Greek city-state // Peer polity interaction and socio-political Change / Ed. C. Renfrew, J.F. Cherry. Cambr.–London, e.a., 1986. P. 47*: «ради точности лучше будет заменить привычное выражение ‘город-государство’, которое я использовал в заголовке, греческим термином polis, означающим в точном смысле слова государственное образование (a polity), состоящее из населенного пункта и его сельской территории, политически объединенных друг с другом, и независимое от других таких образований». Однако важным мне представляется и то, что в эпилоге к данному сборнику, написанном его редакторами, явно присутствует осознание проблем, связанных с процессом «складывания государства» (*ibid.* P. 153).

¹³ Ср. *Murray O. Polis and Politeia in Aristotle // The Ancient Greek State / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 1993. P. 199*: автор рассуждает в направлении, совершенно отличном от провозглашаемого редактором издания, который многозначительно озглавил свое введение к нему «The Polis as a Citizen-State» (*ibid.* P. 7). Стоит отметить, однако, с какой осторожностью еще один из авторов этого тома, получивший юридическое образование, исполнил возложенную на него задачу рассмотреть «полис» как государство: *Schuller W. Die Polis als Staat // Ibid. P. 106 f.*

¹⁴ *Burke P. City-States // States in History / Ed. John A. Hall. Oxf., 1986. P. 151* («between giving the concept up or resigning oneself to using it imprecisely»).

В таком духе высказывается, по крайней мере в отношении Месопотамии, Ж.-Ж. Гласнер¹⁵.

Но речь не о том, чтобы цитировать критические суждения или, наоборот, приводить многочисленные примеры продолжающегося использования или даже дальнейшего распространения рассматриваемого понятия¹⁶. Я привел здесь некоторые высказывания, только чтобы показать, что вопрос все еще остается открытым. И прежде чем обсуждать, имеет ли смысл снова договариваться об определении термина «государство», нужно разобраться с альтернативой: ограничивается ли значение понятия «город-государство» самым общим указанием на устойчивую политическую структуру и самоуправление, присущие античному городу, или, напротив, оно с полным на то основанием может использоваться для обозначения чего-либо более конкретного, а значит пригодно и для широкого сравнительно-исторического анализа.

3. Мне кажется, что именно во втором из упомянутых направлений в последнее время усилилось, так сказать, семантическое давление на «город-государство». Заметно, как это выражение все более используется в качестве инструмента интерпретации и классификации множества обществ с очень разной историей. Но это возможно лишь при условии его наполнения концептуально единым содержанием, что в свою очередь наталкивается на тенденцию к расширению рамок типологии обществ и диапазона исторически неоднородных ситуаций, приводимых к единому стандарту именно в результате его применения. Таким образом, само понятие «государство» неизбежно утрачивает часть смысла, по крайней мере того, какой придают ему юристы и политологи.

Понять это можно при более внимательном рассмотрении признаков, установленных предельно широким определением государства («*централизованная власть, располагающая необходимыми средствами принуждения, с помощью которых может быть обеспечен правопорядок на территории среди населения*»), где прямо исключается всякое упоминание о «*суверенитете как основе власти*» (*sovereignty as the basis of government*)¹⁷. Подобное определение годится для любой иерархической формы объединения, имеющей территориальную

¹⁵ *Glassner J.J. Les petits Etats mésopotamiens à la fin du 4e et au cours du 3e millénaire // A Comparative Study... P. 35 suiv.*

¹⁶ Очень интересным представляется мне пример М. Хэммонда, в книге которого (*Hammond M. The City in the Ancient World. Cambr. (Mass.), 1972*) римская история в соответствующих главах (XVIII–XXI) хотя и приведена к парадигме «города-государства», понимается во всей своей сложности и следовательно дается хороший анализ непростой структуры римского политического устройства, способного включить в себя множество разнородных юридических статусов и состояний. Нарисованная таким образом картина (см. особенно с. 267 сл.) выглядит совершенно иначе, чем типичная структура греческого полиса, которая собственно и может служить основой для идеальной-типической модели города-государства. Не случайно англо-американская историко-политологическая мысль, находящаяся под сильным влиянием современных парадигм демократии, проекция которых служит для интерпретации основополагающей сути античного города-государства, настойчиво обращается напрямую к греческим образцам.

¹⁷ *Hansen M.H. Introduction. The Concepts of City-State and City-State Culture // A Comparative Study... P. 13: «a centralised government in possession of the necessary means of coercion by which the legal order can be enforced in a territory over a population» (курсив в цитируемом тексте).*

привязку и живущей согласно обычаям; практически – любой организованной общности людей, достаточно прочно связанной с определенной территорией. Но разве нельзя, по крайней мере в древности, обнаружить структуры племенного типа, основанные на системах родства или псевдородственных отношений, еще не поддающиеся описанию в понятиях настоящей общины государственного типа, но отвечающие упомянутым элементарным требованиям? Поэтому не приходится удивляться тому, что критерии тут же, пусть и походя, дополняются еще одним: власть (*government*) должна быть не только централизованной, но также и «highly institutionalised»¹⁸. Выражение хоть и расплывчатое, но все же выводит нас в сферу, где имеет значение также и юридический аспект. По моему мнению, оно становится решающим моментом для более строгого типологического отбора, поскольку этот критерий исключает не только любое не человеческое сообщество, но и простейшие – как раз не «институционализированные» – формы общностей людей.

Однако основные проблемы, возникающие в результате использования понятия «город-государство» в роли инструмента классификации и сравнительного анализа, главным образом иные. Действительно, «в истории... все понятия и классификации по необходимости являются искусственными сетками координат, налагаемыми на изменчивый мир, в котором никаких “естественных” разделительных линий нет»¹⁹. Однако дело именно в этом: до какого предела целесообразно производить упомянутую насильственную процедуру, натягивая координатную сетку на многообразие различных ситуаций? Целесообразно, подчеркну, а не правомерно. О правомерности использования столь специфического понятия, как «государство», в широком диапазоне ситуаций, исторически очень далеких от условий, в которых происходил процесс его формирования, я уже говорил. Теперь же сосредоточусь на реальной пользе от такой операции.

Объединение М. Хансеном тридцати исторических примеров, столь различных между собой, ради выявления сходных механизмов, действовавших внутри них, должно было бы привести к какому-то результату для лучшего понимания соответствующих структур и функций. Но что же мы можем извлечь в этом смысле из упомянутого сборника статей? Что дает нам основание включать в единые рамки данные, которые предоставляет исследование такого рода? В действительности мы имеем дело с серией параллельных историй, где аналогии, сходства или различия проявляются просто на эмпирическом уровне. Да, страницы, написанные авторитетным историком Рима, в особенности архаического и республиканского периодов, каковым является Тим Корнелл, рисуют нам в законченной и убедительной форме совокупность элементов римской истории: какие-то из них новые, другие уже известны, в том числе благодаря его предыдущим работам. Но нужны ли они нам, чтобы лучше интерпретировать представленную другим первоклассным историком картину «городов-государств Таримского бассейна»?²⁰ Н. Ди Космо тонко анализирует разные «государственные» ситуации, которые он связывает то с городскими центрами, то с системой оазисов, а все они в свою очередь отличны от крупных полити-

¹⁸ *Ibid.* P. 18.

¹⁹ *Hansen. Conclusion...* P. 600 («in history...all concepts and all classifications are by necessity artificial grids pressed down upon a fluid world that has no ‘natural’ dividing lines»).

²⁰ *Di Cosmo N. Ancient City-States of the Tarim Basin // A Comparative Study...* P. 393–408.

ческих образований кочевых народов. Но разве этот материал хоть в чем-то проясняется или дополняется данными Корнелла или других статей сборника? Помимо того, что во всем этом множестве самых разных обществ центральную, а порой и определяющую роль играла городская форма поселений с сильно выраженными политическими функциями, или что многочисленные поселения такого типа были характерны для большого числа регионов, чем еще обогатилось наше понимание истории и организационных структур этих обществ в результате того, что они были рассмотрены в формально единых рамках?

Должен сказать, что мой скептицизм по данному поводу, кажется, находит подтверждение и в заключительных выводах этого амбициозного исследования: по сути дела в них лишь дается обновленная типология. Неопределенными (то ли это нормативные показатели, то ли статистические данные) представляются мне указания, относящиеся к размерам территории и численности населения города-государства, как и те, что определяют характер городского центра на уровне «самоуправления, необходимого для существования государственной формы, а не просто “муниципалитета”»²¹. Что уж говорить о заключительном волнующем вопросе: «Почему города-государства, а не макро-государства?»²² Но успокоимся: мы имеем дело не с общей теорией эволюции форм политического устройства человечества (как можно было бы подумать, учитывая заголовок заключительной статьи), и не с таксономической системой, способной охватить как разные типы городских общин, так и более обширные территориальные и региональные образования. Нет, перед нами простое перечисление вариантов решений, предлагаемых для объяснения того, что государство существует в различных формах: с одной стороны, в небольших городах, с другой стороны, на обширных территориях. При этом экономический фактор упоминается после геополитического, а затем ставится вопрос, «имело ли место формирование государства до или после урбанизации региона»²³.

Да и самого автора, приложившего огромные усилия, в конце концов охватило сомнение: «Ну и что же?»²⁴ Вопрос этот разрешается тут же, в параграфе, озаглавленном «Conclusion of the Conclusion», где наконец-то упоминается та интерпретация мира городов-государств в духе федерализма, которая по очевидным причинам, связанным с современной политикой, была в моде главным образом в Англии примерно в конце XIX в.: я имею в виду прежде всего Э.А. Фримана (1823–1892), которым много занимался такой тонкий исследователь многослойных культурных горизонтов, как Арнальдо Момильяно. Хансен же обращается скорее к рассмотрению того, как античные модели устойчивых союзов городов-государств использовались в ходе американской революции. Но ни этот экскурс, ни тем более беглые упоминания о месте античного полиса в теоретических построениях мыслителей Нового времени от Макиавелли до Монтескье и Руссо не добавляют, откровенно говоря, чего-нибудь нового к уже хорошо известному²⁵. Книга, стоившая столько труда и тем, кто ее написал, и тому, кто ее прочел, на этом, собственно, и заканчивается: ничего более не сказано ни о причинах, по которым она была задумана, ни о достигнутых

²¹ Hansen. Conclusion... P. 601 ff.

²² Ibid. P. 609: «Why City-States instead of Macro-States?»

²³ Ibid. P. 610: «state formation... took place before or after the urbanisation of the region».

²⁴ Ibid. P. 611: «...and so what?».

²⁵ Ibid. P. 612–613.

результатах²⁶. Лишь сообщается, что «республиканизм и федерализм – это основные аспекты государственности Нового времени, которые ведут свое происхождение из культур, основанных на городе-государстве, и до конца XVIII в. они встречались почти исключительно в таких культурах»²⁷. Этим заключением и последующим замечанием, что «урбанизация и торговля представляют собой существенные и взаимосвязанные аспекты общества Нового времени, и они также были заметны в большинстве культур, основанных на городе-государстве»²⁸, вероятно, можно и нужно удовлетвориться.

Автор, судя по всему, так и делает, но я, конечно, нет: именно поэтому я и счел уместным написать эту статью – вовсе не для того, чтобы снять проблему, а чтобы попытаться поставить ее заново на более прочных основаниях и, быть может, с несколько большим осознанием.

4. Как уже говорилось в начале, в мою задачу не входит снова с самого начала обсуждать правомерность традиционного, приблизительного по смыслу употребления понятия «город-государство». Цель скорее в том, чтобы расставить вехи, указать на опасности, превратить расплывчатое выражение в догматическую конструкцию. Ведь даже неприятие и недооценка оговорок, выдвигаемых именно юристами и теоретиками современного государства, нуждается в теоретическом обосновании.

Итак, вовсе не собираясь вторгаться в сложную область общих теорий, я ограничусь указанием на опасности, которыми чревато излишне прямолинейное и настойчивое применение понятия «город-государство» по крайней мере в отношении римской истории (чтобы исчерпать одну эту тему, не хватит не только моих скромных сил). И прежде всего хотелось бы сказать о цене, которую мы рискуем заплатить, излишне упирая на очень раннее появление «города-государства» на арене римской истории: ведь тогда содержание этого понятия на протяжении долгих веков Республики и в последующие века приходится уточнять, прибегая к все более тонким ухищрениям, вплоть до его полного растворения. Это не придуманный мною парадокс: скорее это историографическая проблема, которой историки политического и правового устройства древнего Рима так или иначе занимались с начала Нового времени, но все же стоит ее кратко осветить.

Итак, допустим, что со времени «Сервиевой конституции», самое позднее – перехода от монархии к республике²⁹, полностью сложилась новая форма «го-

²⁶ Чуть не забыл: еще целых две страницы посвящены другим аспектам: формированию империй городов-государств («state-city Empires») и соотношению между экономическим развитием и формами урбанизации – в географической и хронологической перспективе, охватывающей всю историю человечества (ibid. P. 613–614).

²⁷ Ibid. P. 615–616: «Republicanism and federalism are major aspects of modern statehood which stem from city-state cultures and, before the late 18th century, they were almost exclusively found in city-state cultures».

²⁸ Ibid. P. 616.

²⁹ Это, по правде говоря, вызывает у меня недоумение, ибо придется допустить, что только тогда гражданская община вполне приобрела черты независимой и самоорганизующейся политической единицы. Я полагаю, что на стремлении относить окончательное оформление города-государства в Риме к более позднему периоду все сильнее сказывается заметная главным образом в англосаксонской культуре тенденция к отождествлению древней государственности с формами «демократической» интеграции граждан, в чем, на мой взгляд, больше современной идеологии, а не внимания к древнему миру.

рода-государства» (даже если законченный облик она приняла лишь в 367 г. до н.э., когда завершилась интеграция патрициев и плебеев и окончательно оформилась система магистратур). Но тогда почти одновременно с завершением длительного процесса формирования мы должны констатировать начало постепенного разложения этого самого порядка, притом, разумеется, вовсе не в результате внутреннего кризиса или ослабления, а вследствие процесса дальнейшего политического роста, который делал неадекватной сложившуюся форму гражданской общины. Ведь в связи с появлением в 338 г. до н.э. муниципальной системы (предвосхищением чего было включение в *civitas Romana* Тускула, первого муниципия, уже в 381 г. до н.э.) и расширением сети колоний как латинского, так и римского права облик этой общины стал меняться. Точнее, наметился разрыв между общностью людей, проживавших внутри имеющего четкие границы, действительно «общего» пространства (полиса, города) и принадлежностью к единому политическому и правовому устройству. Этот разрыв в корне отрицался представлением об идеальном полисе, которое разработали на основе своих собственных реалий греки (и слишком часто механически переносили на историю Рима современные ученые). Греческие полисы могли наращивать свое могущество, подчинять себе другие полисы, выстраивая небольшие «империи», но гражданский их состав не увеличивался. Они точно застыли в своей неизменной, философски говоря, сущности.

Рим уже во время Самнитских войн перестал быть таковым, и вся последующая его история связана именно с этой запрограммированной и все усиливавшейся амбивалентностью «города-государства»: он постоянно утверждал свою идентичность (ибо иных приемлемых для него моделей по сути дела не имелось) и в то же самое время искажал свою сущность, пока не превратился в город-государство, границы которого в конце концов включили в себя весь Апеннинский полуостров, а затем расширились еще дальше. Необходимо понять процесс политического роста и институциональной трансформации Рима в его реальных терминах, не затуманивая свой взор встречающимися то и дело эволюционными схемами (от города-государства к государству территориальному, или даже «национальному», с последующим превращением в мировую империю) и не оставаясь в плену понятий и категорий, которые сконструировали мы сами. А именно так обычно и происходило: в результате поразительное рассуждение Цицерона о «двух родинах» отбрасывали, а Авла Геллия или даже самого императора Клавдия упрекали в том, что они употребляли понятия, несовместимые с сущностью Рима как государства³⁰. Рим давно превратился в «родину» почти всех италийских городов, общую *civitas*, но думать о нем как о «столице» не приходится. Это просто уникальная *civitas* и в то же самое время одна из множества *civitates* того же Рима.

Конечно, словоупотребление древних авторов указывает на неоднозначную реальность, которая не поддается описанию именно в юридических терминах. Но почему это должно быть иначе? Неужели потому что римляне, открывшие науку права и давшие начало колоссальному процессу рационализации юридических явлений, должны были затем в своей политической деятельности рабски следовать формальной логике этих конструкций? Не упускаем ли мы тогда из вида, возможно, самую важную особенность истории римского права: насколько

³⁰ Ср. *Mommsen. Römisches Staatsrecht. Bd III.1. S. 796. Anm. 3; Niebuhr B.G. Römische Geschichte. B., 1853. S. 387. Anm. 121.*

ко далеко зашло его развитие в плане логической стройности и рациональности в сфере частноправовых отношений, насколько же неясным и неопределенным оно оставалось в ключевых вопросах политики и власти?

Конечно, *res publica* уже в последние века до нашей эры была чем угодно, но не городом-государством, и кризис, который в конце концов привел к падению древней *libertas*, коренился именно в разрыве между гражданством и властью. Последняя еще всецело, или почти, была сосредоточена в руках жителей Города и даже еще более узких их групп, а гражданство, напротив, распространялось на все население гораздо более обширной территории и на всех жителей (и граждан) существовавших на этой территории бесчисленных городов.

Так из эвристического инструмента, на использование которого можно было рассчитывать для лучшего понимания истории Рима периода Республики, категория «город-государство» уже начиная с III в. до н.э., самого важного с точки зрения «событийной» истории периода, оказывается совершенно бесполезной и даже мешает наблюдателю. Что уж говорить о дальнейшем, когда, в отличие от Цезаря, Август и его преемники пошли по революционному, но, в нашем понимании, рациональному пути, сделав логические выводы из происходящего и приняв к сведению, что Рим превратился в монархическое государство. Я использую термин «государство», конечно, с натяжкой, чтобы подчеркнуть новаторство реализованного замысла. Это именно то, чего Август избегал.

5. Здесь не место обсуждать, какими соображениями руководствовался в своих решениях Август и как это сказалось на пути, который он наметил для своих преемников. Скорее следует подчеркнуть, что и империя характеризовалась двойственностью: это была мировая держава, находящая для себя точку опоры и материальное основание всей архитектуры власти в личности принцепса, легитимность которой, в свою очередь, последовательно обеспечивалась отождествлением с высшей властью гражданской общины. Август лишил силы прежние республиканские магистратуры, но его власть представляла собой совокупность полномочий магистратов, а не была выражением какой-нибудь новой легитимности, например, верховенства монарха. Поэтому он, формируя новый аппарат власти, в числе высших должностных лиц назначает префекта Города, берет на себя *cura annonae*, а также наследует право интерцессии и священную неприкосновенность плебейского трибуна, должность которого настолько сильно связана с гражданской общиной, что в эпоху Республики ему запрещалось покидать пределы городского померия.

Единственный в своем роде пастиш о «двух родинах», исполненный Цицероном (*De leg. II*, 5), со временем разросся и упрочился, отразившись на коллективном представлении последующих веков об истории древнего Рима (вспомним хотя бы о Кола ди Риенцо). Однако в настоящей статье я не намерен уделять большое внимание двойственной системе, сконструированной Августом и просуществовавшей по крайней мере столетие: у меня была возможность написать о ней специально, и пока мне особенно добавить нечего³¹. Меня интересует последующая история, в ходе которой происходило не только развитие системы, но и ее глубокое изменение. Ибо именно эта история демонстрирует неадекватность термина «город-государство», который мы на время выпустили из поля зрения.

³¹ См. *Capogrossi Colognesi L. Diritto e potere nella storia di Roma*. Napoli, 2007. P. XVII ss., главы XV–XVII.

В период от Веспасиана, великого организатора, первого выходца из италийской глубинки, достигшего высшей власти, до Траяна, первого императора провинциального происхождения, назревало нечто очень важное, и во многих отношениях. Прежде всего, как хорошо известно, в это время в пестром конгломерате городов, культур, племен, этнических и региональных образований, находившихся под римским владычеством, происходил масштабный процесс интеграции – политической, культурной, институциональной, отчасти языковой и религиозной, отчасти затрагивавшей и правовой статус различных категорий населения. Эта интеграция, как показывают только что упомянутые самые разительные примеры успеха отдельных личностей, осуществлялась в том числе (если не главным образом) путем «стандартизации» местных элит. Эффективность процесса нарастала по мере того как открывались каналы вертикальной мобильности, перекрытые в годы «консервативной реставрации» при Августе³².

Возможно, не меньшее значение (в том числе и с точки зрения применения новой модели политической организации на практике) имела внутренняя трансформация системы власти, выстроенной Августом. По сути это была личная власть, в которой элемент высшего военного командования всегда играл роль самого чувствительного, критически важного рычага. Власть осуществлял лично принцепс, который параллельно с использованием остатков аппарата прежних республиканских магистратур управлял огромным аппаратом и имуществом Рима в соответствии с логикой частноправовых отношений – при помощи средств, имевшихся в распоряжение римского *pater familias*, т.е. собственных рабов-специалистов и отпущенников. В течение I в. н.э. положение понемногу менялось, и механизм управления все более усложнялся – главным образом за счет тщательного выстраивания военного аппарата, который использовался отчасти для контроля за не вполне еще «нормализовавшейся» внутривластной ситуацией, но главным образом для бдительного наблюдения за положением на сильно расширившихся границах империи. Однако большее значение имела остальная конструкция власти, отчасти служившая для обеспечения всей совокупности функций управления, контроля и организации, которые требовались, чтобы править столь обширными территориями и разными народами, отчасти предназначенная для выявления и рационального использования ресурсов, необходимых для финансирования всей этой неуклонно усложнявшейся структуры.

В правление выдающегося администратора Клавдия, при императорах династии Флавиев и затем в начавшийся с Траяна золотой век Антонинов в указанной сфере произошел качественный скачок, в результате которого впервые в истории на Западе стала складываться система управления бюрократического типа³³ – несколько напоминающая рациональную бюрократию в концепции Макса Вебера, подчиненная принцепсу и служившая ему незаменимым инструментом

³² Эта политика «закрытости» вполне объяснима, поскольку была направлена на необходимое для консолидации нового политического режима достижение компромисса между монархической властью принцепса и сенаторской олигархией, отождествлявшейся со «староримской» традицией.

³³ В данном случае не имеет значения, что имелся иной опыт такого рода (например, державы Ахеменидов), с которыми некогда столкнулся эллинистический мир и отголоски которого сохранились еще в птолемеевском Египте и в других эллинистических царствах.

власти. Она исполняла множество функций: от контроля и постоянного участия в провинциальном управлении императорских легатов или сенаторских промагистратов до все более разработанной политики в судебной и законотворческой сфере, от поддержания в порядке всех общественных построек, зданий, храмов, дорог, портов, рек, акведуков до контроля за рынками, системами налогообложения, взысканием таможенных пошлин и обеспечения административно-финансового управления огромными территориями, находившимися в частной собственности принцепса. Все хозяйство государства и, так сказать, «короны» теперь подлежало рациональному управлению, подчинявшемуся логике, присущей любой бюрократии. Постоянный характер службы, иерархические отношения, распределение функций, перевод чиновников из одной канцелярии в другую, значительная юридикация отношений – таковы характерные черты новой имперской администрации, которые предвосхищали тот тип государства, который начал постепенно складываться в Европе в конце средневековья.

Именно поэтому использование термина «город-государство» вызывает у меня сомнения: ведь получается, будто уже агрессивный «великий Рим эпохи Тарквиниев» или *civitas* IV в. до н.э. были в каком-то смысле предвосхищением великой революции, происходившей в течение первых двух веков нашей эры, а это не так.

В заключение приведу еще одно соображение, заставляющее меня с осторожностью относиться к определению Рима как «города-государства»: при этом подчеркивается параллелизм между его историей и историей греческих полисов – тех примерно полутора тысяч «городов-государств», о которых ведет речь М. Хансен³⁴. А это вызывает у меня все больше сомнений. И здесь следует вернуться к тому процессу внутреннего роста, о котором в общих чертах говорилось выше. Процесс этот характеризовался одной особенностью, плохо вязавшейся с той исключительностью, которая с XIX века считалась типичной чертой именно «города-государства». Уже в древности, во время великих римских завоеваний в Средиземноморье, противники Рима, задаваясь вопросом о секрете его успеха, находили правильный ответ, усматривая его не в дисциплине, не в аристократических традициях, не в силе и мощи граждан-воинов, а в необычайной способности интегрировать в себя внешний мир. Римское гражданство, в полном противоречии с логикой замкнутости городов-государств греческого мира, последовательно открываясь навстречу новым субъектам, в том числе множеству рабов, возвысившихся из своего униженного положения, приумножало ресурсы и энергию гражданской общины за счет внешних сил. Так зачем же втискивать в одну и ту же культурную, а не только юридическую, матрицу такие разные, даже противоположные истории? Ведь уже в античной мысли общим местом было утверждение, что главным фактором постепенного ослабления греческих полисов оказалась их неспособность (в отличие от Рима) открыться для чуждых элементов, включить в себя новые реальности, одним словом, их большее соответствие природе «города-государства»³⁵. Так что

³⁴ Ср. Hansen M.H. *The Hellenic polis // A Comparative Study...* P. 141.

³⁵ Здесь открывается большая теоретическая тема: без введения механизмов интеграции, основанных на системе юридических фикций, структура городской общины возвращалась к своей племенной и кровнородственной основе, подчиняясь внутренней логике составляющих ее структур – *gentes* и т.п. А это препятствовало полному складыванию ее как системы, способной разорвать эти путы. Однако в связи с этим необходимо вернуться к основополагающим соображениям Макса Вебера.

оставим эту терминологию ученых Нового времени для истории Греции, а для Рима будем говорить скорее о *civitas, res publica*, гражданской общине, политической общине. И если надо делать выбор, то, по-моему, лучше использовать приблизительные и неточные выражения заодно с римлянами, чем впасть в ошибку вместе с нашими современниками*.

ANCIENT CITY AS CITY-STATE: INTERPRETATION AND SOME PROBLEMS

L. Capogrossi Colognesi

Recently the term of *city-state* has apparently begun to be used too often as an instrument for interpreting and classifying a very mixed variety of historical situations (see e.g. *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures* / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 2000). The author does not consider this traditional allusive expression to be of use for comparative studies, where it seems to be taken out of its normal classical context. Moreover, the author warns against its being unreservedly applied to Rome: Rome's extraordinary ability to integrate external elements did not correspond to the exclusivism which since the 19th century has been considered typical of city-state. He thinks it would be better to reserve this modern scholarly terminology for Greek *poleis* and to speak of *civitas, res publica*, civic community or political community where Rome is concerned. To be imprecise with the Romans seems to him a better option than to err with the Moderns.

* Перевод с итальянского Е.В. Ляпустиной.